

Принц и гвардеец

Автор:

[Кира Касс](#)

Принц и гвардеец

Кира Касс

Отбор #3

Их всего двое, но они будут бороться за сердце Америки Сингер до конца. Они абсолютно разные и принадлежат к абсолютно разным социальным слоям. Один из них – принц Максон, и он обещает девушке жизнь, похожую на прекрасную сказку. Но исполнит ли он свои обещания, ведь героиня не первая, кому он вскружил голову? Второй – простой гвардеец Аспен, который не может предложить героине ничего, кроме своей любви.

Впервые на русском языке!

Кира Касс

Принц и гвардеец

Kiera Cass

THE SELECTION STORIES: THE PRINCE & THE GUARD

Copyright © 2014 by Kiera Cass

All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

* * *

Принц

Я расхаживал по комнате из угла в угол, пытаюсь совладать с беспокойством. Пока Отбор оставался отдаленной перспективой и возможностью устроить свое будущее, мысль о нем казалась захватывающей. Но теперь... Теперь все выглядело иначе...

Перепись завершили, цифры несколько раз проверили и перепроверили. Дворцовую челядь нагрузили новыми обязанностями. Пошив гардероба шел полным ходом, а комнаты были уже почти готовы принять наших гостей. Маховик раскручивался все стремительней, и это пугало и волновало одновременно.

Для девушек процесс начался в тот день, когда они заполнили анкеты; таких, судя по всему, были многие тысячи. Но для меня же все стало реальностью только сейчас.

Сегодня мне исполнялось девятнадцать. Официально я достиг совершеннолетия.

Застыв перед зеркалом, я в очередной раз поправил галстук. Вечером на меня будет устремлено множество глаз – необходимо выглядеть собранным и уверенным, как полагается принцу. С внешним видом вроде бы все в порядке, можно идти к королю.

По пути я кивал советникам и знакомым гвардейцам. Трудно представить, что менее чем через две недели эти коридоры заполнятся девушками. Дойдя до отцовского кабинета, я решительно забарабанил в дверь. Таково было его собственное требование.

«Максон, стучись увереннее».

«Максон, хватит ходить туда-сюда».

«Ты должен быть быстрее, умнее, лучше».

– Войдите.

И я вошел. Отец на мгновение оторвался от созерцания собственного отражения, чтобы кивнуть мне.

– А, вот и ты. Мама скоро подойдет. Готов?

– Конечно.

Никакой другой ответ отца не устроил бы.

Он взял небольшой ящичек и положил его передо мной на стол.

– С днем рождения.

Я развернул серебристую папиросную бумагу и извлек черную коробочку. Внутри оказались новые запонки. Должно быть, за всеми заботами он позабыл, что уже дарил мне запонки на нынешнее Рождество. Королем быть нелегко. Возможно, когда я сам стану главой государства, я тоже не буду помнить, что дарил своему сыну, а что нет. Впрочем, прежде чем думать о сыновьях, следовало для начала найти себе жену.

Супругу. Я примерился к этому слову, не произнося его вслух. Оно показалось каким-то совсем чужим.

– Сир, благодарю вас. Я сейчас же их надену.

– Тебе сегодня необходимо взглянуть на все сто, – сказал он, вновь отрываясь от зеркала. – Отбор будет занимать мысли всех и каждого.

Я натянуто улыбнулся:

– Включая и мои собственные.

Может, стоило поделиться с ним своими тревогами? Он ведь тоже когда-то проходил через все это. И наверняка его терзали сомнения.

Очевидно, моя нервозность отразилась на лице.

– Смотри на вещи веселей. Это будет увлекательно! – подбодрил он.

– Знаю. Просто все случилось так быстро, что я до сих пор не могу опомниться.

Я принялся сосредоточенно вдевать запонки в прорези на манжетах.

– Это тебе кажется, что быстро, а у меня на подготовку ушли многие годы, – рассмеялся отец.

Я сощурился, отрываясь от своего занятия:

– Как это?

Тут дверь распахнулась, и вошла моя мать. При виде ее отец, по обыкновению, оживился:

– Эмберли, ты выглядишь просто сногшибательно! – Он двинулся ей навстречу.

Она улыбнулась мужу в своей обычной манере, словно не верила, что кто-то мог заметить ее появление, и обняла его.

– Надеюсь, не чересчур. Не хотелось бы перетягивать внимание на себя. – Отпустив отца, мама подошла ко мне и сжала в объятиях. – С днем рождения, сынок.

– Спасибо.

– Подарок будет чуть позже, – прошептала она и снова обернулась к мужу. – Значит, мы готовы?

– Так и есть. – Он предложил ей руку, и так, рука об руку, они вышли из кабинета, а я поплелся следом.

Как обычно.

– Ваше высочество, долго еще ждать? – спросил один из репортеров.

От света софитов у меня выступила испарина.

– Имена огласят в эту пятницу, а сами дамы придут во дворец еще через неделю, – ответил я.

– Вы волнуетесь, сир? – слышался очередной вопрос.

– По поводу перспективы жениться на девушке, которую пока даже не знаю? Ну, что делать, раз уж мне так по должности положено.

Я подмигнул, и в толпе раздались смешки.

- Ваше высочество, неужели вы совсем не нервничаете?

Я попытался определить, от кого исходил вопрос, но быстро оставил эту затею и просто повернул голову в том направлении, откуда он донесся, надеясь, что не ошибся.

- Напротив, я очень рад.

Если можно так выразиться.

- Мы уверены, что вы сделаете прекрасный выбор, сир.

Вспышка ослепила меня.

- Поддерживаем! - закричали остальные.

- Не знаю, не знаю, - пожал я плечами. - Пока я даже не представляю, какая девушка в здравом уме согласится за меня выйти.

В толпе снова засмеялись. И я решил, что на этой ноте лучше закончить.

- Прошу прощения, меня ждут родные - не хочу быть невежливым.

Я отвернулся от репортеров и фотографов и перевел дух. Неужели так будет весь вечер?

Мой взгляд скользнул по Главному залу - столы, накрытые темно-синими скатертями, яркое освещение, призванное продемонстрировать богатство отделки, - похоже, деваться и правда некуда. В одном углу собрались сановники, в другом - репортеры; рассчитывать на то, что удастся побыть в тишине и покое, не приходилось. Учитывая, что виновником торжества был не кто иной, как я, казалось бы, выбор сценария праздника должен быть за мной. Однако это недостижимая мечта.

Не успел я отделаться от толпы репортеров, как почувствовал на плече тяжелую отцовскую руку. Я напрягся; это неожиданное внимание ничего хорошего не предвещало.

– Улыбайся, – вполголоса приказал он, и я подчинился, демонстрируя радость нашим особым гостям, на которых он указал кивком.

Я перехватил взгляд Дафны, приехавшей из Франции вместе со своим отцом. К счастью, так совпало, что на вечеринке нашим родителям необходимо было обсудить предстоящее заключение торгового соглашения. Дафна была дочерью французского короля, так что наши пути время от времени пересекались. Если не считать членов семьи, Дафна, пожалуй, единственный человек, с которым я общался более или менее регулярно. Увидеть в зале знакомое лицо было отрадно.

В ответ на мой приветственный кивок она приподняла бокал с шампанским.

– Что за неуместный сарказм? Ты кронпринц, а потому должен задавать тон. – Железные пальцы отца больно сжимали мое плечо.

– Сир, прошу прощения. Все-таки это вечеринка, и я подумал...

– Ты подумал неправильно. Очень рассчитываю, что в эфире «Вестей» подобного не повторится. – Он буквально сверлил меня взглядом серых глаз.

Я снова растянул рот в улыбке; на публике приходилось держать лицо.

– Разумеется, сир. Я проявил непростительную несерьезность.

Он выпустил мое плечо и поднес к губам бокал с шампанским:

– Ты слишком часто ее проявляешь.

Я украдкой посмотрел на Дафну и закатил глаза. Девушка рассмеялась. Кто-кто, а она понимала мои чувства. Отец проследил за направлением моего взгляда.

– А она миленькая. Жаль, не может участвовать в конкурсе.

Я пожал плечами:

– Дафна действительно очень милая. Впрочем, я никогда не питал к ней никаких чувств.

– Очень хорошо. Это было бы крайней глупостью с твоей стороны.

Я пропустил его высказывание мимо ушей.

– И потом, мне не терпится скорее познакомиться с кандидатками в мои спутницы жизни.

Он немедленно ухватился за эту идею и снова двинулся вперед, увлекая меня за собой.

– Ты стоишь на пороге первого серьезного выбора в своей жизни. И он должен быть взвешенным. Уверен, ты находишь мои методы чересчур суровыми, но нужно, чтобы ты осознавал свою ответственность.

Я с трудом удержался от тяжелого вздоха.

«Я пытался сделать свой выбор, и не раз. Вот только у тебя нет ко мне доверия».

– Отец, не волнуйся. Я отношусь к выбору жены крайне серьезно. – Оставалось надеяться, что это прозвучало вполне искренне.

– Дело далеко не только в том, чтобы найти женщину, с которой ты хорошо бы уживался. Взять хотя бы Дафну. Смазливое личико, но толку от нее никакого.

Он в очередной раз глотнул шампанского и помахал кому-то за моей спиной.

И снова пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выдать своих чувств. Разговор принимал не слишком приятный оборот. Я, сунув руки в карманы, обвел глазами зал.

– Пойду, пожалуй, пообщаюсь с гостями.

Он взмахнул рукой, давая понять, что разрешает уйти, а сам вновь уткнулся в бокал. Я счел за лучшее побыстрее удалиться. Весь этот диалог оставил меня в совершенном замешательстве. Зачем он так грубо прошелся по Дафне, если ее в качестве моей спутницы жизни никто даже не рассматривал?

Главный зал возбужденно бурлил. Мне говорили, что народ Иллеа с нетерпением ждет этого момента: объявления новой принцессы и провозглашения меня будущим королем. Но сегодня впервые я в полной мере ощутил мощь людского волнения и испугался, как бы оно не погребло меня под собой.

Я пожимал десятки рук и с благодарностью принимал ненужные подарки; обсуждал с фотографами объективы на их фотокамерах и обменивался поцелуями с родными, друзьями, знакомыми и незнакомцами.

Наконец меня на мгновение оставили в покое. Я оглядел толпу, совершенно уверенный, что меня наверняка где-то ждут. На глаза попала Дафна, и я направился к ней. Как глоток свежего воздуха, мне необходимо было хотя бы несколько минут настоящего, искреннего общения, но по дороге меня перехватила мама.

– Ты хорошо проводишь время? – поинтересовалась она.

– А я произвожу впечатление человека, который хорошо проводит время?

– Да. – Мама погладила пальцами рукав моего безупречного костюма.

– Вот и прекрасно, – просиял я.

Она ласково улыбнулась и склонила голову набок:

– Давай на минутку выйдем.

Я предложил ей руку, которую она с радостью приняла, и под стрекот фотокамер мы двинулись к выходу в коридор.

– А нельзя в следующем году устроить что-нибудь менее помпезное? – спросил я.

– Не думаю. К тому времени ты уже почти наверняка будешь женат. Твоя супруга, скорее всего, захочет отметить вашу первую совместную годовщину пышным празднеством.

Я нахмурился: в ее присутствии это можно было себе позволить.

– Вдруг она тоже предпочтет тихую и спокойную жизнь?

– Милый, мне жаль тебя разочаровывать. – Она негромко рассмеялась. – Любая девушка, подписавшаяся на участие в Отборе, по определению ищет возможность вырваться из тихой и спокойной жизни.

– И ты тоже? – неожиданно для себя спросил я.

Мы с ней никогда не говорили о том, как она сюда попала. Это было то, что отличало меня от нее: я вырос во дворце, тогда как мать оказалась здесь по собственной воле.

Она остановилась и с любовью посмотрела на меня:

– Я была без ума от лица, которое видела по телевизору. Бредила твоим отцом, как тысячи претенденток теперь бредят тобой.

Ее легко было представить молоденькой девушкой с косой из Гондурагуа, не сводящей глаз с экрана телевизора. Я так и видел, как она вздыхала каждый раз, когда он произносил речь.

– Все девушки мечтают о том, чтобы стать принцессой, избранницей принца. И надеть корону... Всю неделю до того, как были названы имена претенденток, я просто не могла думать ни о чем другом. Я тогда и не подозревала, что это не главное. – Она немного погрустнела. – Представления не имела ни о грузе ответственности, ни о том, что я практически полностью перестану себе принадлежать. И тем не менее твой отец достался мне, и я родила тебя. – Она погладила меня по щеке. – Это именно то, о чем я мечтала тогда.

Она с улыбкой поглядела мне в глаза, но за этой улыбкой стояли слезы. Нужно было скорее разговорить ее снова.

– Значит, ты ни о чем не жалеешь?

– Абсолютно ни о чем, – покачала она головой. – Отбор изменил мою жизнь. Я имею в виду изменения в самом лучшем смысле. Кстати, именно об этом я хотела с тобой поговорить.

– Не очень тебя понимаю, – сощурился я.

– Я была Четверкой. – Она вздохнула. – И работала на заводе. – Мама вытянула руки. – Кожа была загрубелой и потрескавшейся, а из-под ногтей никогда не выводилась грязь. А еще – ни союзников, ни статуса... Ничего, что помогло бы пробиться в принцессы... И все-таки я ею стала.

Я смотрел на нее во все глаза, все еще не очень понимая, к чему она клонит.

– Максон, это будет мой подарок тебе. Я обещаю, что буду изо всех сил стараться смотреть на этих девушек твоими глазами. Не глазами королевы, не глазами твоей матери, а твоими. Даже если девушка, которую ты выберешь, окажется из самой низкой касты, даже если все остальные будут считать, что она ни на что не годится, я всегда выслушаю твои доводы. И сделаю все от меня зависящее, чтобы поддержать твой выбор.

– А с отцом было не так? С тобой и с ним? – До меня наконец дошло.

– У каждой девушки свои плюсы и минусы. – Она распрямилась. – Найдутся люди, которые будут подчеркивать худшее в одних и лучшее в других, а ты будешь недоумевать, почему они так необъективны. Но я буду на твоей стороне, кого бы ты ни выбрал.

– Ты всегда на моей стороне.

– Верно. – Она взяла меня под руку. – И я знаю, что скоро отойду для тебя на второй план, уступив место другой женщине, как и полагается. Но моя любовь к тебе всегда будет неизменна.

– И моя к тебе тоже.

Я очень надеялся, что она почувствовала мою искренность. Не представляю себе, что должно произойти, чтобы исчезла та горячая любовь, которую я к ней испытывал.

– Знаю. – Она потянула меня обратно в зал.

Нас встретил шквал улыбок и аплодисментов, но я продолжал думать о словах матери. Я не знал другого столь же великодушного человека. Эту черту мне очень хотелось бы от нее перенять. И если она собиралась преподнести в дар то, о чем мы говорили, значит я пока даже не подозревал, как это будет мне необходимо. Мама никогда и ничего не дарила мне без причины.

Гости задержались намного дольше, чем я считал приличным. Вот вам и еще одна жертва, рука об руку идущая с привилегированным положением: никому не хотелось, чтобы праздник во дворце заканчивался. Даже когда этого уже желала королевская семья.

Я передал очень пьяного сановника из Германской Федерации на попечение одного из гвардейцев, поблагодарил всех королевских советников за подарки и перецеловал руки едва ли не всех дам, которые находились во дворце. И на мой взгляд, долг я выполнил с лихвой и заслужил возможность провести несколько часов в тишине и покое. Я уже собирался улизнуть от засидевшихся гостей, когда был остановлен взглядом синих глаз.

– Вы весь вечер меня избегаете, – кокетливо произнесла Дафна.

У нее был ласкающий ухо мелодичный акцент, а речь всегда звучала как музыка.

– Вовсе нет. Просто приглашенных оказалось больше, чем я рассчитывал.

Я оглянулся на горстку людей, которые явно были исполнены решимости встретить в дворцовых стенах закат.

– Ваш отец любит пускать пыль в глаза.

Я рассмеялся. Дафна, казалось, понимала такие вещи, которые я никогда не произносил вслух. Иногда от этого становилось не по себе. Сколько еще ей известно обо мне?

– Сегодня он превзошел самого себя.

Она пожала плечами:

– Это лишь до следующего приема.

Мы оба умолкли, хотя я чувствовал, что ей хочется сказать что-то еще. Наконец она закусила губу и прошептала:

– Я могу поговорить с вами наедине?

Кивнув, я подал ей руку и повел в одну из небольших гостиных дальше по коридору. Дафна по-прежнему молчала, видимо, приберегала слова до того мгновения, пока я не закрыл за нами двери. Хотя мы с ней нередко разговаривали наедине, сегодня ее поведение меня встревожило.

– Вы ни разу не пригласили меня на танец, – с обидой в голосе произнесла она.

– Я вообще ни с кем не танцевал.

Отец пожелал, чтобы играли классические музыканты. Пятерки очень талантливы, но их музыка предполагала медленные танцы. Наверное, если бы мне захотелось потанцевать, я пригласил бы именно ее. Просто в условиях, когда все засыпали меня вопросами о неведомой будущей жене, это казалось неправильным.

Дафна издала прерывистый вздох и принялась расхаживать по комнате.

– По возвращении домой меня ждет свидание. Фредерик, так его зовут. Я, разумеется, его уже видела. Он отличный наездник и к тому же очень красив. На четыре года старше меня, но я думаю, что это лишь одна из причин, по которым он нравится папа?.

Дафна с полуулыбкой взглянула на меня через плечо.

Я саркастически ухмыльнулся в ответ:

- И что бы мы с вами делали без отцовского одобрения?

- Совсем пропали бы, разумеется, - прыснула она. - Разве мы что-нибудь понимаем в этой жизни?

Я тоже засмеялся, радуясь тому, что можно с кем-то пошутить на эту тему. Юмор порой единственное, что мне остается.

- Но да, папа? одобряет. И все-таки мне хотелось бы знать... - Она, внезапно засмутившись, опустила взгляд.

- Что вам хотелось бы знать?

Дафна некоторое время молчала, рассматривая пол у себя под ногами. Потом она наконец взглянула на меня своими синими глазами.

- Одобряете ли вы?

- Что именно?

- Фредерика.

- Ну как я могу ответить на этот вопрос? - засмеялся я. - Мы даже не знакомы.

- О нет, - упавшим голосом произнесла она. - Я не имею в виду конкретного человека, я имею в виду идею. Как вы относитесь к тому, что я стану встречаться с ним? И возможно, даже выйду за него замуж?

За ее непроницаемым лицом скрывалось что-то такое, чего я не понимал. Я смущенно пожал плечами.

– От моего мнения все равно ничего не зависит. Как, скорее всего, и от вашего, – добавил я с грустью в голосе.

Такова уж наша судьба.

Дафна заломила руки, словно была охвачена смятением или душевной мукой. Я по-прежнему не понимал, что происходит.

– Значит, вам совершенно все равно? Потому что если это будет не Фредерик, то Антуан. А если не Антуан, то Гаррон. Меня дожидается целая толпа мужчин, ни один из которых мне даже наполовину не такой друг, как вы. Но в итоге мне все-таки придется выбрать кого-то из них в мужа, а вам нет до этого никакого дела?

Это было поистине печально. Притом что мы с ней виделись от силы трижды в год, я тоже считал ее самым близким своим другом. Надо же было до такого докатиться.

Я сглотнул, подбирая нужные слова:

– Уверен, все как-нибудь образуется.

Дафна внезапно залилась слезами. Я принялся озираться по сторонам, словно в поисках какого-нибудь объяснения или причины, с каждой секундой чувствуя себя все более и более неловко.

– Пожалуйста, скажите, что не станете участвовать в этом! Вы не можете! – взмолилась она.

– Что вы имеете в виду? – с отчаянием спросил я.

– Отбор! Пожалуйста, не женитесь на совершенно чужой вам девушке. Не вынуждайте меня выходить замуж за абсолютно чужого мне человека.

– У меня нет выбора. Такова традиция. Все принцы Иллеа женятся на одной из подданных.

Дафна бросилась ко мне и сжала мои руки:

- Но я люблю вас! И всегда любила. Пожалуйста, не женитесь на другой девушке, пока хотя бы не спросите у отца, могу ли я стать вашей избранницей.

Всегда любила? Меня? Я опешил, пытаюсь найти нужные слова.

- Дафна, но как... я просто не знаю, что сказать.

- Скажите, что поговорите с отцом, - с надеждой утирая слезы, взмолилась она. - Отложите Отбор, чтобы мы могли хотя бы понять, стоит ли нам пытаться. Или позвольте мне тоже принять в нем участие. Я отрекись от своих прав на корону.

- Пожалуйста, не плачьте, - прошептал я.

- Как тут не плакать, когда я скоро потеряю вас навсегда?

Она закрыла лицо руками, содрогаясь в безмолвных рыданиях.

Я стоял столбом, боясь сделать что-нибудь такое, что лишь все усугубит. Несколько напряженных мгновений спустя она вскинула голову и заговорила, невидящими глазами глядя прямо перед собой:

- Вы единственный, кто знает меня по-настоящему. И единственный, кого по-настоящему знаю я сама.

- Знать - еще не значит любить, - возразил я.

- Это неправда! У нас с вами есть общая история, и сейчас она готова оборваться. И все это в угоду нелепой традиции.

Ее взгляд был по-прежнему устремлен в какую-то незримую точку в центре комнаты, и мне оставалось лишь гадать, о чем она сейчас думает. Впрочем, отгадывать ее мысли я определенно не мастер.

Наконец Дафна обернулась ко мне:

– Максон, заклинаю вас, поговорите с отцом. Даже если он скажет «нет», я буду знать, что, по крайней мере, сделала все, что могла.

Я не сомневался в ответе отца, поэтому озвучил то, что должен был.

– Дафна, вы и так сделали все, что могли. – Я вскинул руки и опустил их. – Больше ни на что рассчитывать не приходится.

Она ответила мне долгим взглядом, не хуже моего понимая, что обращение к отцу с подобным предложением никогда в жизни не сошло бы мне с рук. Я видел, как лихорадочно работает ее мысль, Дафна пыталась отыскать какой-нибудь другой способ, но быстро поняла, что его нет. Она служила своей короне, я – своей, и нашим повелителям никогда не суждено было пересечься.

Дафна кивнула и снова залилась слезами. Потом опустилась на кушетку и попыталась взять себя в руки. Я стоял неподвижно, стараясь не причинить ей еще большую боль. Мне очень хотелось рассмешить ее, но во всем происходящем не было ничего веселого. Я даже не подозревал, что способен разбить кому-то сердце.

Повторять этот опыт мне определенно не хотелось.

И тут до меня дошло, что как ни крути, а повторение неизбежно. В следующие несколько месяцев мне предстояло отказать тридцати четырем девушкам. А если они все будут так реагировать?

При одной мысли об этом нахлынула такая усталость, что у меня против воли вырвался тяжелый вздох.

Дафна вскинула голову. Выражение ее лица медленно переменилось.

– Неужели вы ничего не чувствуете? – возмутилась она. – Вы не настолько хороший актер!

– Разумеется, меня это волнует.

Она поднялась и молча посмотрела на меня оценивающим взглядом.

- Но вовсе не по той причине, по которой это волнует меня, - прошептала она и приблизилась ко мне. - Максон, вы любите меня.

В ее взгляде читалась мольба.

Я стоял неподвижно.

- Максон, - уже с бо?льшим нажимом произнесла она, - вы любите меня. Любите!

Я вынужден был отвести глаза, не в силах больше выдерживать ее жгучий взгляд. Провел рукой по волосам, пытаюсь найти слова, которые выразили бы то, что творилось у меня в душе.

- Дафна, я никогда не видел такого бесстрашного человека, как вы. И не сомневаюсь, что вы были искренни в выражении своих чувств, но я не могу ответить вам тем же.

- Это не значит, что вы не испытываете ничего ко мне. Просто вы не умеете выражать чувства! Ваш отец вечно напускает на себя ледяную холодность, а мать держит все в себе. И вы никогда не видели людей, которые свободно выражают свою любовь, и потому сами не умеете ее демонстрировать. Но вы ее чувствуете, я же вижу. Вы любите меня так же сильно, как я люблю вас!

Я медленно покачал головой, опасаясь, что любое мое слово начнет все сначала.

- Поцелуйте меня! - потребовала она.

- Что?

- Поцелуйте меня. Если вы сможете поцеловать меня и после этого утверждать, что не испытываете ко мне никаких чувств, я никогда больше не заговорю на эту тему.

- Нет. Простите, не могу. - Я попятился.

Не хотелось признаваться, что на самом деле за моим отказом стоит страх. Я не знал точно, со многими ли молодыми людьми Дафна уже целовалась, но такие, уверен, были. Она позаботилась о том, чтобы донести до меня этот факт, когда несколько лет назад я гостил во Франции. Ну и вот. Дафна обскакала меня в этом, так что я не собирался выставлять себя еще большим болваном, чем уже выставил.

Печаль на ее лице сменилась гневом, и она отступила. Затем горько засмеялась:

– То есть это ваш окончательный ответ? Вы говорите «нет»? Предпочитаете позволить мне уехать? – (Я пожал плечами.) – Максон Шрив, вы идиот. Ваши родители совершенно искалечили вас морально. Да вам хоть тысячу девушек приведи, никакой разницы все равно не будет. У вас не хватит ума увидеть любовь, даже если она окажется у вас прямо перед носом. – Она утерла глаза и оправила платье. – Искренне надеюсь, что не увижу вас больше никогда в жизни!

Теперь меня охватил другой страх. Она устремилась прочь, но я удержал ее за локоть. Мне не хотелось, чтобы Дафна исчезла из моей жизни навсегда!

– Мне очень жаль!

– Не нужна мне ваша жалость, – ледяным тоном отрезала она. – Жалейте лучше самого себя. Вы найдете себе жену, потому что родители так велели, но настоящей любви вам не видать – вы ее уже упустили.

Она вырвала руку и удалилась, оставив меня в одиночестве.

Максон, с днем рождения тебя.

От Дафны пахло вишневой корой и миндалем. Она пользовалась одними и теми же духами с тех пор, как ей исполнилось тринадцать. Прошлым вечером тоже ими надушилась, и в ту минуту, когда клялась, что не хочет видеть меня, я чувствовал их горьковатый аромат.

На запястье у нее был шрам. Она заработала его, забираясь на дерево в возрасте одиннадцати лет. Это была моя вина. В ту пору манеры у нее были несколько менее женственные, и я уговорил ее – ну ладно, подначил – устроить соревнование, кто из нас быстрее заберется на вершину одного из деревьев на краю сада. Я победил.

Дафна до истерики боялась темноты, и, поскольку у меня тоже были свои страхи, я никогда не дразнил ее за это. А она никогда не дразнила меня. Во всяком случае, когда речь шла действительно о важных вещах.

У Дафны аллергия на моллюсков. Любимый ее цвет – желтый. У нее начисто отсутствует музыкальный слух. Зато она хорошо танцует. Тем обидней ей было, что я не пригласил ее вчера вечером на танец.

Когда мне было шестнадцать, она прислала мне на Рождество новую сумку для фотокамеры. Хотя я никогда не рассказывал, что хочу избавиться от старой, этот подарок говорил о том, что она обращает внимание на мои увлечения, и он так меня тронул, что я сменил старую на новую. И до сих пор ею пользовался.

Я потянулся под одеялом, повернув голову туда, где лежала сумка. Интересно, долго она выбирала?

Наверное, Дафна была права. Я и сам не осознавал, сколько всего нас связывает. Наши отношения ограничивались редкими визитами и случайными телефонными звонками, и я никогда даже представить себе не мог, что они выльются в нечто большее.

А теперь Дафна в самолете, который уносит ее обратно во Францию, к Фредерику.

Я выбрался из постели, скинул мятую рубашку и брюки от костюма и направился в душ. Подставляя тело упругим струям воды, призванным смыть последние воспоминания о вчерашнем дне, я пытался избавиться и от мыслей.

В голове по-прежнему звучали ее колкие слова о том, что я моральный калека. Неужели мне и впрямь не дано понять, что такое любовь? Или я попробовал ее и отбросил прочь? Если так, зачем мне Отбор?

Советники сновали по дворцу с кипами бланков анкет для конкурса, улыбаясь с таким видом, словно знали что-то такое, чего не знал я. Время от времени кто-нибудь похлопывал меня по плечу или вполголоса говорил что-то ободряющее, как будто все чувствовали, что я внезапно засомневался в той единственной вещи в жизни, на которую всегда рассчитывал и надеялся.

– В сегодняшней партии есть интересные экземпляры, – заметил один.

– Да вы счастливчик, – высказался второй.

Количество анкет росло, но все, о чем я мог думать, были обидные слова Дафны.

Мне следовало изучать цифры финансового отчета, лежавшего передо мной, а вместо этого я рассматривал лицо отца. Неужели он действительно морально меня искалечил, начисто лишив основополагающих понятий о том, что значит находиться в романтических отношениях с кем-то? Я видел, как они с мамой ведут себя друг с другом. Может, между ними и нет страсти, но близость определенно существует. Выходит, этого недостаточно? Нужно стремиться к чему-то другому?

Я задумался, глядя прямо перед собой. Может быть, он считал, что, если я буду жаждать чего-то большего, Отбор окажется для меня невыносимым? Или что я разочаруюсь, если не найду чего-то такого, что перевернет мою жизнь. Пожалуй, не зря я никогда не говорил вслух о том, что именно на это и надеялся.

А может, он вовсе ни о чем таком не думал. Люди такие, какие они есть. Отец был человеком жестким – ни дать ни взять меч, закаленный необходимостью править страной, раздираемой постоянными войнами и набегами повстанцев. Мама же – как одеяло, мягкая и уютная. Она выросла в тяжелых условиях и оттого вечно пытается всех утешить и защитить.

Я отдавал себе отчет в том, что в глубине души куда больше похож на нее, чем на него. И меня это вполне устраивало, а вот отца – нет.

Так что, возможно, он ограничивал проявление чувств намеренно, чтобы придать мне твердости.

«У вас не хватит ума увидеть любовь, даже если она окажется у вас прямо перед носом».

– Максон, спустись на землю, – выдернул меня из задумчивости отцовский голос.

– Сир?

Вид у него был усталый.

– Сколько еще тебе повторять? Отбор – возможность сделать взвешенный и разумный выбор, а не предаваться грезам.

В комнату вошел советник и вручил отцу письмо, а я тем временем выровнял стопку бумаг, постучав торцом по столу.

– Да, сир.

Пока он пробежал глазами текст, я в последний раз посмотрел на него.

Возможно.

Нет.

Все-таки нет. Он хотел сделать из меня мужчину, а не машину.

Досадливо крикнув, он скомкал листок и швырнул его в мусорную корзину:

– Чертовы повстанцы!

Бо?льшую часть утра я провел у себя в комнате, подальше от любопытных глаз. В одиночестве работалось гораздо продуктивней, а если даже я трудился и не очень продуктивно, по крайней мере, меня некому было за это критиковать. Впрочем, судя по приглашению, которое я получил, рассчитывать провести так весь день не стоило.

- Ты меня звал? – спросил я, входя в личный кабинет отца.

- А, вот и ты, – сказал отец. Глаза у него искрились от удовольствия. – Завтра мы начинаем. – Он потер руки.

- Да, – вздохнул я. – Еще раз пройдемся по сценарию «Вестей»?

- Нет, не надо. – Он положил руку мне на спину, увлекая за собой, и я поспешно распрямился. – Ничего сложного не будет. Вступительная часть, короткий разговор с Гаврилом, а потом объявление имен и показ фото девушек.

- Вроде бы все просто, – кивнул я.

Мы подошли к его рабочему столу, и он хлопнул ладонью по толстой стопке папок:

- Вот они.

Я опустил глаза. Покосился на папки. Сглотнул.

- Так. Примерно двадцать пять из них или около того обладают очевидными качествами, идеальными для новой принцессы. Хорошие семьи, связи с другими странами, которые могут оказаться очень полезными. Есть и ослепительные красавицы. – Он шутливо ткнул меня под ребра, что было совершенно ему несвойственно, и я отступил в сторону. Мне было совсем не до шуток. – К сожалению, не все провинции выдвинули достойных кандидаток. И чтобы это больше походило на случайный выбор, мы воспользовались этими кандидатками для придания большего разнообразия. Сюда затесалось даже несколько Пятерок. Впрочем, более низших каст нет. Должны же мы поддерживать хоть какую-то планку.

А я-то, наивный, полагал, что всем будет управлять рука судьбы... в то время как за Отбором снова стоял он.

Отец провел большим пальцем по обрезу папок.

- Не хочешь взглянуть? – поинтересовался он.

Я опять покосился на стопку. Имена, фотографии, перечень достижений. В досье указаны все существенные подробности. Тем не менее я твердо знал, что в анкетах не было ни слова о том, что могло их рассмешить или побуждало раскрывать самые мрачные свои секреты. Это подборка сухих фактов, а не живых людей. И, судя по всему, выбора у меня не было.

- Это ты их отобрал? - Я оторвал взгляд от папок и вскинул глаза на отца.

- Да.

- Всех до единой?

- Ну, в основном, - улыбнулся он. - Как я уже сказал, некоторые попали в список для отвода глаз, но я полагаю, что варианты тебе достались очень неплохие. Получше, чем мне.

- Для тебя кандидаток тоже подбирал твой отец?

- Некоторых - да. Впрочем, тогда все было по-другому. А почему ты спрашиваешь?

Мне вспомнилась одна отцовская фраза.

- Так вот что ты имел в виду, да? Когда сказал, что потратил на подготовку многие годы?

- Ну, нам необходимо было подгадать так, чтобы определенные девушки достигли нужного возраста, а в ряде провинций у нас был выбор из нескольких вариантов. Но поверь мне, они все тебе понравятся.

- Да?

Понравятся? Можно подумать, ему есть до этого какое-то дело. И можно подумать, для него это нечто большее, нежели еще один способ укрепить позиции короны, государства и свои личные.

Внезапно до меня дошел смысл его бесцеремонного комментария насчет того, что от Дафны в качестве моей спутницы жизни не было бы никакого толку. Ему плевать, что я сблизился с ней, поскольку она очаровательная и с ней весело. Все, что его интересовало, – это то, что она представляла Францию. Он вообще не видел в ней человека. А поскольку отец уже и так получил практически все, что ему было нужно от этой страны, Дафна его не интересовала. Я не сомневался в том, что если бы он мог извлечь из моего брака с ней какую-то выгоду, то первым бы плюнул на все свои драгоценные традиции.

– Ну, не кисни, – вздохнул он. – Я думал, ты обрадуешься. Неужели тебе даже не хочется на них взглянуть?

Я одернул пиджак:

– Ты сам сказал, что грезить тут не о чем. Я увижу их тогда же, когда и все остальные. А теперь, с твоего позволения, мне нужно закончить читать поправки к законопроекту, которые ты внес.

Вышел я, не дожидаясь его разрешения, поскольку был уверен, что привел достаточно веский довод, чтобы он позволил мне удалиться.

Я чувствовал себя загнанным в угол. Мне предлагалось найти среди десятков отобранных им лично девушек ту, которая мне понравится. И каким образом я должен это сделать?

Нужно успокоиться. Ведь он, в конце концов, выбрал маму, а она чудесный, замечательный, умный человек. Но похоже, отец, в отличие от меня, свой выбор сделал без постороннего вмешательства. К тому же теперь все было совершенно по-другому, как он сам утверждал.

Слова Дафны, отцовское давление и мои собственные растущие страхи превратили предстоящий Отбор в бесконечный кошмар.

Когда до встречи с будущим оставалось всего пять минут, я понял, что меня сейчас вырвет.

Предупредительная гримерша промокнула пот у меня на лбу.

– Сир, вам нехорошо? – забеспокоилась она.

– Я просто переживаю, что, несмотря на такую богатую палитру помад, все они не моего оттенка.

Так иногда говорила мама. «Это не мой оттенок». Понятия не имею, что это значило.

Девушка хихикнула, и мама с ее гримершей тоже.

– По-моему, меня уже можно выпускать. – Я разглядывал свое отражение в одном из больших зеркал, установленных в закутке студии. – Спасибо.

– И меня тоже, – сказала мама, и обе девушки поспешили прочь.

Я крутил в пальцах какой-то пузырек, пытаюсь не думать об убегающих секундах.

– Максон, милый, может, тебе в самом деле нехорошо? – заволновалась мама, глядя не на меня, а на мое отражение.

Я обернулся к ней:

– Не знаю... Просто...

– Послушай, все волнуются, но по большому счету это всего лишь объявление имен и ничего более.

Я сделал медленный вдох и кивнул. Можно было относиться к происходящему и так. Объявление имен. И все. Просто список имен и ничего более.

Я снова глубоко вдохнул.

Какое счастье, что не ел с утра.

Я развернулся и двинулся к своему месту на сцене. Отец уже ждал.

– Возьми себя в руки, – покачал он головой. – Ты ужасно выглядишь.

– Как ты пережил все это? – спросил я.

– Я вел себя решительно, как подобает принцу. И ты тоже будешь вести себя так же. Или нужно напомнить, что приз в этом состязании – ты? – На его лице отразилась досада, как будто он ожидал, что это давным-давно должно было до меня дойти. – Это они состязаются за тебя, а не ты за них. Твоя жизнь никак не изменится, за исключением того обстоятельства, что некоторое время тебе придется иметь дело с кучкой ошалевших от собственного счастья девиц.

– А вдруг ни одна из них мне не понравится?

– Тогда выберешь наименее противную. Желательно ту, которая может быть чем-то нам полезна. Впрочем, на этот счет не волнуйся, я тебе помогу.

Если он собирался этими словами подбодрить меня, то у него ничего не вышло.

– Десять секунд, – объявил кто-то, и мама, которая как раз подошла к своему креслу, ободряюще подмигнула.

– Не забывай улыбаться, – напомнил отец и с уверенным видом повернулся в сторону камер.

Внезапно заиграл гимн, и все тут же заговорили. Я понимал, что должен следить за происходящим, но все мои силы уходили на то, чтобы сохранять спокойное и веселое выражение лица.

Из этого состояния меня вывел знакомый голос Гаврила.

– Добрый вечер, ваше величество, – произнес он, и сердце ушло в пятки, но я вовремя сообразил, что он обращается к отцу.

– Гаврил, всегда рад тебя видеть.

– Не терпится услышать объявление?

– О да. Я вчера присутствовал при выборе некоторых кандидатур. Все девушки очень милые.

Все это было произнесено так естественно, так гладко.

– Значит, вам уже известны имена финалисток?! – воскликнул Гаврил.

– Всего несколько.

И вновь меня поразила та легкость, с которой с его губ сорвалась эта ложь.

– А с вами его величество этой информацией, случайно, не поделился?

На сей раз Гаврил обращался уже ко мне. Булавка у него на лацкане сверкала в свете софитов.

Повернулся отец, взглядом напоминая о необходимости улыбаться. Я послушно растянул губы в улыбке и ответил:

– Нет. Я увижу финалисток вместе со всеми остальными.

Ох. Надо было сказать «девушек», а не «финалисток». Речь все-таки о наших гостях, а не о выставочных животных. Я украдкой обтер вспотевшие ладони о брюки.

– Ваше величество, – подошел Гаврил к королеве, – что вы можете посоветовать нашим финалисткам?

Я покосился на маму. Сколько времени ушло у нее на то, чтобы научиться держаться с таким безукоризненным достоинством? Или это у нее врожденное? Она застенчиво склонила голову набок, и даже видавший виды Гаврил растаял.

– Наслаждайтесь своим последним днем в роли обычной девушки. Завтра, каков бы ни был исход состязания, ваша жизнь изменится. И еще один совет, старый,

но тем не менее действенный: будьте сами собой.

– Мудрые слова, моя королева. – Он повел рукой и обернулся к камерам. – И на этом позвольте приступить к оглашению имен тридцати пяти молодых девушек, которым предстоит участвовать в Отборе. Дамы и господа, присоединяйтесь ко мне в чествовании дочерей Иллеа!

Я вскинул глаза на мониторы, где появился государственный герб, а в маленьком квадратике в уголке по-прежнему показывали мое лицо. Они что, будут наблюдать за мной все время?!

Мама осторожно, чтобы не попасть в камеру, накрыла мою руку своей. Я сделал несколько вдохов и выдохов.

Это всего лишь перечень имен. Подумаешь, велика важность. Они же не объявляют одну-единственную.

– Мисс Элейн Стоулз из Ханспорта, Тройка, – провозгласил Гаврил, глядя в карточку. Я попытался изобразить на лице воодушевление. – Мисс Тьюзди Кипер из Уэверли, Четверка, – продолжал он.

По-прежнему улыбаясь, я наклонился к отцу.

– Меня сейчас стошнит, – прошептал я.

– Дыши глубже, – процедил он сквозь зубы в ответ. – Говорил же, надо было посмотреть их вчера.

– Мисс Фиона Кастли из Паломы, Тройка.

Я взглянул на маму. Она улыбнулась:

– Очень хорошенькая.

– Мисс Америка Сингер из Каролины, Пятерка.

Это, видимо, была одна из тех самых наугад выбранных девушек, которыми отец хотел разбавить всех остальных. Я не успел даже различить ее черты, поскольку решил, что буду смотреть поверх мониторов и улыбаться.

- Мисс Миа Блу из Оттаро, Тройка.

В голове у меня уже творилась настоящая каша. Выучу, кто есть кто, потом, когда на меня не будет смотреть вся страна.

- Мисс Селеста Ньюсом из Клермонта, Двойка.

Я вскинул брови, хотя даже не видел ее лица. Если она из Двоек, значит важная птица, так что стоит изобразить интерес.

- Кларисса Келли из Белкура, Двойка.

Список все не кончался, и от улыбки у меня уже начинало сводить скулы. Я не мог думать ни о чем, кроме как о том, что в эту самую минуту происходит нечто очень важное, определяется огромная часть моей жизни, а я не могу даже порадоваться. Если бы я сам вытащил их имена из чаши в уединенной комнате и первым увидел их лица, все было бы совершенно по-иному.

Эти девушки предназначались для меня, они были единственным, о чем я мог с полным правом так сказать. И тем не менее я не ощущал этого.

- И на этом все! - провозгласил Гаврил. - Итак, нам наконец-то стали известны имена прелестных участниц Отбора! Всю неделю они будут готовиться к отъезду во дворец, а мы станем с нетерпением ждать их прибытия! В следующую пятницу мы покажем специальный выпуск «Вестей», целиком и полностью посвященный знакомству с этими очаровательными девушками. Ваше высочество, - он повернулся в мою сторону, - примите мои поздравления. Потрясающий цветник юных дам.

- У меня просто нет слов, - отозвался я, ни на йоту не кривя душой.

- Не волнуйтесь, сир, уверен, что в следующую пятницу говорить будут в основном девушки. А вы, дорогие телезрители, - он взглянул в камеру, -

смотрите наши ежедневные репортажи об Отборе на Общественном канале.
Доброй ночи, Иллеа!

Заиграл гимн, софиты погасли, и я наконец позволил себе расслабиться.

Отец поднялся и, к моему удивлению, крепко хлопнул меня по спине.

- Молодец. Ты держался намного лучше, чем я ожидал.

- Понятия не имею, что на меня нашло.

Он засмеялся, и советники, присутствовавшие в студии, присоединились к нему.

- Я же говорил, сын, приз здесь ты. Какие могут быть волнения? Эмберли, согласна со мной?

- Максон, уверяю тебя, у этих девушек поводов для тревоги куда больше, - подтвердила мама, поглаживая мой локоть.

- Вот именно, - кивнул отец. - Так, я умираю с голоду. Давайте насладимся последней возможностью спокойно поужинать в тесном семейном кругу.

Я поднялся и медленно двинулся к выходу. Мама подстроилась под мой шаг.

- У меня в голове все перемешалось, - пожаловался я шепотом.

- Тебе передадут фотографии и анкеты, чтобы ты мог на досуге их изучить. Это ничем не отличается от любого другого знакомства. Веди себя так, будто общаешься с обычными своими друзьями.

- Мама, не так уж у меня и много этих самых обычных друзей.

Она понимающе улыбнулась.

- Да, наше положение накладывает ограничения, - согласилась она. - Ну, представляй на их месте Дафну.

– А что Дафна? – слегка насторожившись, спросил я.

Мама ничего не заметила.

– Она ведь девушка, а вы с ней всегда были в дружеских отношениях. Вот и с ними веди себя так же.

Я устремил взгляд прямо перед собой. Сама того не сознавая, мама исцелила меня от одного огромного страха и одновременно подстегнула другой.

С тех пор как мы с Дафной поссорились, каждый раз, вспоминая о ней, я думал не о том, что в этот самый миг она может быть наедине с Фредериком, и не о том, как мне не хватает ее общества. Все, о чем я мог думать, были ее обвинения.

Будь я в нее влюблен, из головы у меня не выходил бы ее образ. А сегодня, когда объявляли имена Избранных, я терзался бы сожалениями о том, что среди них нет ее.

Наверное, Дафна права – я действительно не умею выражать свою любовь. Но даже если и так, с крепнувшей уверенностью я понимал, что никогда не любил ее.

Где-то в глубине души я радовался, что ничего не упускаю и что могу участвовать в Отборе со свободным сердцем. Но к радости примешивалась горечь. Если бы все сложилось иначе, то я бы мог, по крайней мере, хвастаться тем обстоятельством, что когда-то давным-давно был влюблен и знал, что это такое. А так я по-прежнему не имел о любви никакого представления. Наверное, я просто таким родился.

Анкеты смотреть я так и не стал. У меня было много причин не утруждать себя просмотром, и в итоге я решил, что лучше будет, если знакомство для всех нас начнется с чистого листа. К тому же, если отец изучил всех кандидаток до мельчайших подробностей, мне их сравнивать было бессмысленно.

Я пытался не думать об Отборе... До тех пор, пока он не вломился в мою действительность.

В пятницу утром я шел по коридору третьего этажа, когда до меня с открытой площадки второго донесся звонкий девичий смех. Хохотушек было две.

– С ума сойти, мы во дворце! – воскликнул задорный голос, и обе снова захихикали.

Я вполголоса выругался и поспешно скрылся за дверь ближайшей комнаты, поскольку мне не раз и не два напоминали, что знакомство с девушками должно состояться только в субботу, и ни днем раньше. Никто не объяснил мне, почему это так важно, но я подозревал, что это связано со сменой образа, чему предстояло подвергнуться каждой из них. Пожалуй, без посторонней помощи какой-нибудь Пятерке, переступившей порог дворца, трудновато было бы тягаться со всеми остальными. Наверное, преображение затевалось для того, чтобы уравнивать шансы для всех. Спустя пару минут я потихоньку выбрался из укрытия и вернулся к себе, стараясь выкинуть это происшествие из головы.

Однако, когда я снова вышел из комнаты, чтобы отнести кое-что в отцовский кабинет, до меня долетел незнакомый девичий голос, и все мое существо охватило какое-то странное томление. Я вернулся к себе и тщательно протер все объективы от камеры, а потом принялся наводить порядок в фотографических принадлежностях. Нужно было продержаться до вечера, когда они разойдутся по комнатам, после чего я смогу погулять.

Это одна из моих привычек, которые выводили отца из себя. Он утверждал, что его нервирует, когда я расхаживаю туда-сюда. Что я мог сказать? На ходу мне лучше думалось.

Дворец уже затих. Не знай я про нашествие гостей, ни о чем бы не догадался. Может, если я не буду заикливаться на переменах, моя жизнь не слишком сильно перевернется?

Ноги несли по коридору, а в голове крутились все мои «а вдруг?». А вдруг среди этих девушек не окажется ни одной, которую я смогу полюбить? А вдруг ни одна из них не полюбит меня? А вдруг моя половинка осталась за бортом, потому что от ее провинции выбрали кого-нибудь более полезного?

Я присел на верхнюю ступеньку лестницы. Так как все это повернуть? Каким образом я должен найти ту, которую люблю и которая полюбит меня, которую одобряют родители и восторженно примет народ? Не говоря уж о том, что она должна быть умна, привлекательна и обладать изысканными манерами, чтобы не стыдно было представить ее всем этим президентам и послам, с которыми приходилось иметь дело.

Стоит подумать о других, положительных «а вдруг?». А вдруг знакомство с этими девушками доставит мне немало приятных минут? А вдруг все они окажутся очаровательными, забавными и хорошенькими? А вдруг та, которая понравится мне больше всех, вопреки всем ожиданиям, заслужит одобрение отца? А вдруг моя половинка в эту самую минуту лежит в постели, надеясь завоевать мое сердце?

А может... а может, произойдет все, о чем я мечтал, пока Отбор не стал реальностью? Это мой шанс найти родственную душу. Долгое время Дафна оставалась единственным человеком, которому я мог довериться; все остальные просто не понимали, на что похожа наша жизнь. Теперь же я смогу впустить в свой мир еще кого-то, и это будет намного лучше, чем все то, что было у меня прежде... потому что она будет принадлежать мне.

И я буду принадлежать ей. Мы всегда будем поддерживать друг друга. Она станет для меня тем, чем всегда была для отца мама: источником тепла, умиротворяющим началом, которое сдерживало его. А я смогу стать ей опорой, защитником.

Я поднялся и двинулся вниз по лестнице, чувствуя прилив уверенности. Нужно было лишь удержать внутри себя это ощущение. Вот чем должен стать для меня Отбор. Он моя надежда.

К тому моменту, когда я добрался до первого этажа, я уже по-настоящему улыбался. Нельзя сказать, что на меня снизошло спокойствие, но я был полон решимости.

– ...выйти, – услышал я чей-то слабый дрожащий голос, эхом отозвавшийся под сводами коридора.

Что происходит?

– Мисс, вы должны сейчас же вернуться в свою комнату.

Я пригляделся и в озерце лунного света увидел в конце коридора девушку – девушку! – которую теснил от двери гвардеец. Темнота скрывала лицо, но у нее были огненно-рыжие волосы, напоминавшие одновременно мед, розы и солнце.

– Пожалуйста.

Она дрожала всем телом, ее смятение, казалось, с каждым мигом только росло. К такой ситуации я был совершенно не готов.

Гвардеец произнес что-то, чего я не разобрал. Я подошел еще ближе, недоумевая, что происходит.

– Я... я не могу дышать...

Девушка пошатнулась и упала на руки охраннику. Тот, выронив копье, подхватил ее. Выглядел он раздосадованным.

– Отпустите ее! – приказал я, наконец подойдя к ним.

К черту правила, нельзя допустить, чтобы кто-то пострадал.

– Ваше высочество, она не удержалась на ногах, – пояснил гвардеец. – Хотела выйти в сад.

Я понимал, что охрана пытается обеспечить нашу безопасность, но что мне было делать?

– Откройте двери, – распорядился я.

– Но... ваше высочество...

Я пригвоздил его к месту взглядом.

– Откройте двери и выпустите ее. Живо!

– Сию секунду, ваше высочество!

Гвардеец отпер замок, и девушка слабо зашевелилась, пытаясь подняться на ноги. Тут двустворчатые двери распахнулись, и в вестибюль влетел порыв теплого и благоуханного анджелесского ветра. Едва незнакомка ощутила его, как тут же поднялась.

Остановившись у порога, я смотрел, как она нетвердой походкой идет по саду. Гравий негромко похрустывал под ее босыми ногами. Никогда прежде мне не приходилось видеть даму в ночной сорочке, и хотя эта юная особа в данный момент не отличалась изяществом движений, выглядело это все равно до странности притягательно.

Гвардейцы тоже поедали ее взглядами, и меня это почему-то задело.

– Отставить, – вполголоса произнес я. Оба смущенно закашлялись и вернулись на свои места по сторонам от дверей. – Стойте здесь, если только я вас не позову, – велел я и вышел в сад.

Я не видел ее, зато хорошо слышал. Девушка тяжело дышала, и мне даже показалось, что она плачет. Оставалось надеяться, что это не так. Наконец удалось разглядеть, что она сидит на траве, уронив руки и голову на каменную скамью.

Похоже, девушка не заметила, как я подошел, и некоторое время я стоял молча, дожидаясь, когда она поднимет голову. Вскоре я почувствовал себя неловко и, решив, что она, наверное, захочет меня поблагодарить, подал голос.

– Дорогая, вам нехорошо?

– Я вам не дорогая, – сердито отозвалась незнакомка и мотнула в мою сторону головой.

Ее лицо по-прежнему было скрыто в тени, но волосы сверкнули в свете луны, слабо пробивавшемся сквозь облака.

И тем не менее, даже не видя выражения ее лица, я прекрасно уловил смысл, который она вложила в свои слова. И это спасибо?

- Чем я вас обидел? Разве я не дал вам то, чего вы хотели?

Она ничего не ответила, лишь молча отвернулась и снова расплакалась. Ну почему женщины чуть что – сразу кидаются в слезы? Мне не хотелось показаться невежливым, но не спросить я не мог.

- Прошу прощения, дорогая, вы намерены продолжить лить слезы?

- Не смейте называть меня так! Я ничуть не более дорога вам, чем остальные тридцать четыре незнакомки, которых вы держите тут взаперти.

Я мысленно ухмыльнулся. Одним из самых серьезных моих опасений было то, что девушки будут из кожи вон лезть, пытаясь продемонстрировать себя с наилучшей стороны. Меня очень пугала перспектива убить несколько недель на то, чтобы узнать избранницу, прийти к выводу, что это и есть моя половинка, а после свадьбы получить совершенно другого человека, рядом с которым я не смогу находиться.

И вот тебе пожалуйста, эту особу, похоже, вовсе не волнует, что я принц. Настолько, что она устроила мне гневную отповедь!

Я принялся расхаживать кругами вокруг скамейки, думая о том, что она сказала. Интересно, моя привычка ходить туда-сюда будет действовать ей на нервы? И если будет, отважится ли она сообщить об этом?

- Это несправедливое утверждение. Мне все вы дороги, – возразил я. Да, я изо всех сил старался откреститься от всего, что было связано с Отбором, но это не значило, что конкурсантки в моих глазах не имели никакой ценности. – Вопрос лишь в том, чтобы выяснить, которая из вас станет дорога наипаче других.

- Наипаче? Вы в самом деле только что сказали «наипаче»? – поразилась она.

- Боюсь, что да, – признался я со сдавленным смешком. – Простите, это издержки моего образования. – (Девушка пробормотала что-то нечленораздельное.) –

Извините.

– Это все какой-то бред! – выкрикнула она.

Ну и характерец! М-да, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы об этом маленьком происшествии стало известно отцу. Он ни за что не оставил бы девушку с таким норовом во дворце. Повезло ей, что свидетелем ее нервного срыва стал я, а не он. В противном случае она отправилась бы домой еще пять минут назад.

– Что именно? – поинтересовался я, хотя был совершенно уверен, что она имеет в виду все происходящее в этот самый момент: со мной такого еще не случилось.

– Это состязание! Все это вообще! Вы что, никогда в жизни никого не любили? Как вы собираетесь выбрать себе жену? Неужели вы на самом деле такой пустоголовый?

Ее слова задели меня за живое. Пустоголовый? Я опустился на скамью, чтобы проще было разговаривать. Очень хотелось донести до этой фурии, кто бы она ни была, всю сложность моего положения, дать ей увидеть происходящее моими глазами. Я изо всех сил старался не отвлекаться на плавный изгиб ее талии там, где она переходила в бедро, на ее длинную ногу и даже на зрелище ее босой ступни.

– Отдаю себе отчет в том, что могу производить такое впечатление и что вся эта затея может казаться не более чем дешевым развлечением. Но в моем мире я постоянно нахожусь под наблюдением. И не так часто общаюсь с женщинами. Те немногие, с кем я все-таки встречаюсь, в большинстве своем дочери дипломатов, и обычно беседовать нам практически не о чем. Не говоря уже о том, что мы вообще далеко не всегда говорим на одном языке.

Я улыбнулся, вспоминая многочисленные неловкие моменты, когда, сидя на очередном нескончаемо длинном обеде с молодой девушкой, которую мне полагалось развлекать разговорами, я позорно проваливал задачу, потому что переводчики увлеченно обсуждали политику. Очень хотелось посмеяться над моим незавидным положением вместе с гостьей, но она решительно отказывалась улыбаться, и я, кашлянув, продолжил:

– При таких обстоятельствах, – я сложил ладони домиком и постучал большими пальцами друг о друга, – я не имел возможности влюбиться. – Похоже, она не понимала, что до настоящего момента мне этого никто бы и не разрешил. Даже любопытно стало. Надеюсь, что я не один такой, я задал вслух свой потаенный вопрос: – А вы?

– Имела, – произнесла она.

Всего одно слово, но сколько в нем было одновременно гордости и грусти.

– Значит, вам повезло. – Какое-то время я разглядывал траву у себя под ногами. Потом продолжил, не желая заострять внимание на собственной неопытности: – Мои мать и отец познакомились таким же образом и вполне счастливы. Я тоже надеюсь найти свою суженую. Женщину, которую полюбит народ Иллеа, способную стать моей спутницей и помогать принимать лидеров других государств. Половинку, которая подружится с моими друзьями и разделит мои радости и тревоги. Я готов найти свою жену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kira-kass/princ-i-gvardeec-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/kira-kass/princ-i-gvardeec-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)